

A romantic fantasy illustration featuring a knight in ornate, dark metal armor with gold filigree. He is shown from the chest up, looking down at a woman. The woman has long, flowing blonde hair adorned with a large, ornate gold and red floral headpiece. She is wearing a rich red, off-the-shoulder gown with intricate detailing. Her hand is gently placed on the knight's chest. The background is a soft-focus landscape with green foliage and a hint of a distant castle or structure under a pale sky. The overall mood is intimate and dramatic.

Мелисса Левисенко

Запретная Опора

Мелисса Левисенко

Запретная Опора

<https://litres.ru/74343868>

SelfPub; 2026

Аннотация

история о стражах ангеле Фебе и демоне Ксанфе: защищая мир от скрытой угрозы, они обретают друг в друге опору и любовь, которую власть считает опасной. За чувства их изгоняют в иной мир — но там, вдали от чужих правил, герои создают свой дом и находят настоящее счастье.

Содержание

Тайная дружба на границе миров	5
дни после разрыва	13
Маска жёсткости	16
Взросление и первое столкновение	20
Совет Равновесия: испытание правдой	26
Тень подозрения и первый совместный патруль	33
Следы в пепле и тень наставника	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мелисса Левисенко

Запретная Опора

Запретная Опора

история о стражах Фебе и Ксанфе: защищая мир от скрытой угрозы, они обретают друг в друге опору и любовь, которую власть считает опасной. За чувства их изгоняют в иной мир — но там, вдали от чужих правил, герои создают свой дом и находят настоящее счастье.

Тайная дружба на границе миров

В верхнем ярусе Небесного Предела, где даже тени падали строго по правилам, жила девочка по имени Феба. Её имя означало «сияющая», и оно будто заранее обещало, что она станет светом, который не гаснет даже в самых тёмных углах. С ранних лет Феба отличалась от других юных ангелов: она не просто следовала наставлениям старших, а пыталась понять, зачем они нужны. Если кто-то плакал, она не отворачивалась, чтобы не нарушать порядок, а тихо садилась рядом и держала за руку, пока слёзы не иссякнут. Учителя вздыхали, качали головами, но не могли отрицать: в её свете не было высокомерия — только желание помочь. А в нижних ярусах, где скалы дышали жаром, а тени жили своей

отдельной, хищной жизнью, рос мальчик по имени Ксанф. Имя его значило «рыжий», «огненный», но в нём было не столько тепло, сколько жар, способный выжечь всё лишнее. Ксанф с детства учился быть острым, как лезвие, и быстрым, как вспышка молнии. Его учили, что мягкость — это уязвимость, а доброта — опасная роскошь, которую могут использовать против тебя. Он рано понял: чтобы выжить в мире, где сила — это язык, на котором все говорят, нужно говорить громче всех. Но где-то глубоко внутри у него жила странная, упрямая тяга к запретному: ему хотелось понять, почему свет не боится темноты, а будто даже смеётся над ней. Их

встреча случилась на нейтральной полосе — в узкой полосе сумерек, где границы миров на мгновение теряли свою жёсткость. Это место было странным: здесь не действовали ни небесные законы, ни адские правила. Здесь воздух был тяжёлым и сладким, как перед грозой, а звуки звучали иначе — будто каждый шёпот становился тайной.

Фебе тогда было семь. Она сбежала с урока, ведомая не бунтарством, а порывом: она услышала, как плачет маленький дух ветра, запутавшийся в невидимых нитях между мирами. Нити сжимались, грозя утянуть его в пустоту, а никто из старших не слышал этого плача. Феба побежала туда, где боль была громче всего.

Ксанф появился из полумрака не из доброты, а из любопытства. Ему было интересно посмотреть, как ангел будет выкручиваться из ситуации, которую никто не должен был замечать. Он остановился в тени, скрестив руки, и наблюдал, как Феба пытается распутать узлы, дрожащими пальцами дёргая не те нити.

— Ты всё делаешь неправильно, — буркнул он наконец, не выдержав. Феба вздрогнула и подняла глаза. В них не было страха — только обида, что она не успевает спасти.

— Я знаю! Но я не понимаю, как...

Ксанф фыркнул, шагнул вперёд и, не говоря ни слова, показал, как ослабить узлы, не разрывая их. Это был тонкий навык, которому учили только избранных в нижних мирах: уметь менять структуру силы, не уничтожая её.

— Делай вот так, — коротко бросил он.

Она сделала. Дух ветра вырвался на свободу и взмыл вверх, оставив за собой тонкий след света, похожий на росчерк пера на тёмной ткани. Феба повернулась к Ксанфу и вдруг улыбнулась — так искренне, что даже тени вокруг будто отступили.

— Спасибо.

Он пожал плечами, стараясь выглядеть равнодушным.

— Не благодари. Просто в следующий раз не лезь туда, где не знаешь правил.

— А если я узнаю?

Ксанф прищурился, будто пытался разгадать, шутит она или всерьёз.

— Тогда, может, и не утянет.

С этого дня они начали встречаться на нейтральной полосе. Никто не должен был знать об этом: для Небес дружба с демоном была немыслима, для Преисподней — недостойна. Они придумали условности: если на плоском камне у ручья лежала белая галька — значит, Феба придёт. Если чёрная — Ксанф. Они не называли друг друга по именам вслух, чтобы никто не смог связать эти звуки с кем-то реальным. Для всех они оставались просто «тот, кто приходит в сумерках».

Феба рассказывала Ксанфу о звёздах, о том, как они поют, если слушать очень внимательно. Он фыркал, закатывал глаза, но потом вдруг замолкал и прислушивался, будто и правда пытался услышать. Он показывал ей, как читать сле-

ды на пепле, как понимать, кто прошёл мимо и зачем, как по дрожанию воздуха определить, что рядом кто-то затаился. Она учила его замечать, когда кто-то рядом боится, даже если молчит. Он учил её не доверять первому впечатлению.

Они спорили до хрипоты. Однажды Феба заявила, что свет всегда сильнее тьмы, потому что он согревает. Ксанф усмехнулся и спросил, согреет ли свет того, кто замёрз в ледяной пещере, где нет ни солнца, ни надежды.

Феба задумалась, прикусила губу, а потом тихо сказала:
— Наверное, нет. Но он может дать надежду, что холод когда-нибудь закончится.

Ксанф не ответил сразу. Он смотрел на неё долго, будто видел что-то новое, и наконец буркнул:

— Надежда — это тоже сила. Просто её труднее измерить. Эти встречи стали для них тайным миром, где не было ни долга, ни ожиданий, ни чужих взглядов. Они смеялись до слёз, спорили до хрипоты и в какой-то момент поняли, что без этих встреч мир становится серым.

Давление взрослых и разрыв: как рушился их тайный мир. С каждым годом нейтральная полоса становилась всё опаснее, а их встречи — всё короче. Сначала это были просто косые взгляды стражей, скользящие по сумеречной тропе, будто они чувствовали: здесь что-то не так. Потом начались патрули — не частые, но регулярные. А потом в обоих мирах заговорили о «загрязнении границ»: мол, если слишком долго стоять на стыке, сама суть начинает мутнеть, и ангел

может стать слишком любопытным, а демон — слишком задумчивым.

Для Фебы давление началось с мелочей, которые постепенно складывались в стену. На уроках наставница, сестра Лира, всё чаще останавливалась рядом с её партой и тихо, но твёрдо напоминала: — Феба, ты слишком много смотришь по сторонам. Свет должен быть направлен вперёд, а не в тень.

Сначала Феба кивала и старалась смотреть только вперёд. Но по ночам ей снился ручей, чёрные ирисы и голос Ксанфа, который смеялся над её верой в то, что всё всегда будет хорошо.

Потом начались задания, где нужно было отречься от личного. Однажды ей поручили наблюдать за духом, который метался между страхом и надеждой, и не вмешиваться, даже если он начнёт исчезать. Феба стояла и слушала, как он шепчет: «Кто-нибудь, пожалуйста...» Она не могла просто смотреть. В последний момент она протянула руку — не чтобы спасти, а чтобы дать ему почувствовать, что он не один. И тут же рядом возник старший страж.

— Ты нарушила протокол, — сказал он спокойно, но в его голосе было что-то холодное, будто он уже решил, что она не годится для высокой службы.

Феба опустила глаза.

— Я не могла смотреть, как он исчезает.

— Именно поэтому мы и учим не смотреть, — ответил страж. — Или смотреть так, чтобы сердце оставалось холод-

ным.

Эти слова обожгли её сильнее любого упрёка. Она не хотела, чтобы её сердце стало холодным. Но она хотела быть хорошей. И она пыталась.

В нижних залах давление на Ксанфа было другим, но не менее тяжёлым. Его наставник, старый демон по имени Моргас, смотрел на него всё пристальнее, будто пытался разглядеть в нём слабинку.

— Ты стал слишком осторожным, — говорил Моргас, постукивая когтем по каменной плите. — В нашем деле осторожность — это страх, а страх — это дыра, в которую пролезет враг.

Ксанф кивал, стискивал зубы и старался быть резче, чем был. Но внутри у него что-то сопротивлялось: он не хотел становиться тем, кто радуется чужой слабости.

Однажды Моргас дал ему задание: проследить за ангелом из нижнего патруля и найти в его поведении изъян, который можно было бы использовать. Ксанф должен был подслушать, подсмотреть, найти что-то, что ломает этого ангела изнутри. Он ходил за ним три дня, отмечая каждое движение, каждый взгляд. И в конце концов понял: у ангела не было изъяна. У него была усталость. Он просто слишком долго делал то, что должен, и почти забыл, чего хочет сам.

Когда Ксанф вернулся к Моргасу и сказал:

— У него нет слабости, которую можно использовать.
Моргас прищурился.

— Значит, ты плохо искал. Или тебе не хотелось её видеть.

Ксанф промолчал. Но в ту ночь он пришёл к ручью раньше обычного и положил чёрную гальку, будто надеясь, что Феба придёт и скажет что-то такое, что всё снова станет простым.

Тем временем в верхних чертогах начали проводить проверки границ.

Старшие ангелы изучали следы, оставленные на камнях, на песке, на пепле. Они искали несоответствия: слишком лёгкий шаг для демона, слишком осторожный для ангела. Однажды сестра Лира остановилась у того самого камня, где лежала галька, и долго смотрела на него, будто пыталась прочитать историю по одному только положению камня. — Кто-то приходит сюда, — сказала она, не оборачиваясь к Фебе, которая стояла чуть поодаль, стараясь казаться незаметной.

— Наверное, духи ветра, — тихо ответила Феба.

Сестра Лира медленно повернулась. Её взгляд был не злым, а усталым, будто она уже знала ответ и просто надеялась, что ошибается. — Духи ветра не оставляют таких следов. Это след существа, которое знает, куда ступает.

Феба сглотнула, но ничего не сказала.

— Если ты что-то знаешь, лучше скажи сейчас, — добавила сестра Лира. — Потому что, если мы найдём это сами, будет хуже.

Феба хотела всё рассказать. Хотела сказать: «Это я. Я

встречаюсь с демоном, но он не злой, он просто другой». Но слова застряли в горле. Она боялась не за себя.

дни после разрыва

После того как Ксанф стёр чёрную гальку и ушёл, не оглядываясь, тишина на нейтральной полосе стала почти осязаемой. Она не была доброй, эта тишина, — она была тяжёлой, будто сама граница скорбела о том, что ей пришлось разлучить двоих.

В верхних чертогах для Фебы начались дни, которые складывались в недели, а недели — в месяцы, похожие друг на друга, как капли воды, лишённые света. Её стали чаще назначать в патрули вдоль границы — не как награду, а как испытание. Старшие словно хотели проверить, сможет ли она смотреть на место, где когда-то был её секрет, и не дрогнуть. Однажды сестра Лира подошла к ней после утреннего построения. В руках у неё был тонкий свиток с перечнем обязанностей, но она не протянула его сразу. Вместо этого она долго смотрела на Фебу, будто пыталась разглядеть, что спрятано за ровной осанкой и спокойным взглядом.

— Ты держишься хорошо, — сказала она наконец. — Это достойно похвалы. Но помни: чем крепче ты сжимаешь крылья, тем больше они потом раскрываются.

Феба опустила глаза.

— Я стараюсь быть полезной.

— Полезной — да. Но не бездушной. Это тонкая грань.

Фраза застряла в памяти Фебы, как заноза. Она повторяла

её про себя по ночам, когда сон не шёл: «Не бездушной». Но как оставаться живой, если каждое живое чувство — это риск?

Её новые задания были построены так, чтобы тренировать отрешённость. Ей поручали стоять рядом с теми, кто страдал, и не вмешиваться, пока не поступит прямой приказ. Однажды она стояла у постели юного духа, который метался в лихорадке и звал мать. Феба знала, что если положить ладонь ему на лоб, жар немного отступит. Но приказ был: «Не касаться. Ждать». Она стояла, сцепив пальцы за спиной, и слушала, как его голос слабеет. Когда наконец пришёл лекарь, Феба уже не чувствовала пальцев.

После этого случая сестра Лира отозвала её в сторону.

— Я видела, как ты стояла, — тихо сказала она. — Ты не нарушила приказ.

Но я видела, как тебе было больно его не нарушить.

— Это слабость, — прошептала Феба, повторяя слова, которые слышала от других.

— Или человечность, — ответила сестра Лира. — А человечность ангелу тоже нужна. Иначе он перестаёт быть проводником света и становится просто холодным ветром.

Но даже эти редкие тёплые слова не могли растопить лёд, который нарастал вокруг Фебы. Она всё чаще замечала, как другие ангелы смотрят на неё чуть дольше, чем нужно, будто пытаются угадать, не прячется ли в ней что-то «неправильное». И она училась прятать. Улыбаться ровно, говорить

ровно, дышать ровно. Только по ночам, когда никто не видел, она позволяла себе одну маленькую слабость: доставала из тайного места крошечный чёрный лепесток — остаток того самого ириса с нейтральной полосы, который Ксанф однажды сорвал и молча протянул ей, будто хотел сказать: «Смотри, даже тьма может быть красивой». Она держала его между пальцами, чувствуя хрупкость, и шептала в темноту:

— Прости, что я не выбежала. Прости, что не сказала правду.

И каждый раз после этого она прятала лепесток и шла умываться холодной водой, чтобы лицо к утру было спокойным.

Маска жёсткости

В нижних залах Ксанф учился носить жёсткость, как броню. Он нарочно говорил резче, смеялся громче, спорил яростнее, чтобы никто не догадался, что внутри у него что-то надломилось. Его наставник, Моргас, наблюдал за этим с холодной удовлетворённостью.

— Вот это уже похоже на демона, — говорил он, одобрительно кивая, когда Ксанф разбивал в споре очередного соперника, не оставляя тому ни шанса, ни достоинства.

Ксанф кивал в ответ, но в груди у него становилось тяжело, как будто броня была слишком толстой и не пропускала воздух.

Ему стали поручать задания, где нужно было находить уязвимости и бить точно в них. Однажды ему приказали проследить за одним из молодых ангелов, который отвечал за распределение света в сумеречных секторах. Ксанф следил за ним несколько дней, отмечая его привычки, его слабости, его моменты усталости. И в какой-то момент он понял, что этот ангел напоминает ему Фебу: в нём была та же привычка сначала смотреть, потом действовать, та же осторожность, которая казалась мягкостью, но на самом деле была внимательностью.

Когда Моргас спросил:

— Ну, что нашёл? Чем его можно сломать?

Ксанф сжал кулаки и ответил:

— Он слишком старается всё делать правильно. Это и есть его слабость.

Моргас усмехнулся.

— Умный ответ. Но запомни: в нашем мире «стараться»

— это роскошь.

Здесь выживают те, кто берёт, а не те, кто старается не обидеть.

Ксанф кивнул, но слова царапнули его изнутри. Он не хотел быть тем, кто пользуется чужой старательностью как слабостью. Но он хотел, чтобы Моргас перестал смотреть на него с подозрением. Поэтому он продолжал играть роль: язвил, спорил, делал вид, что ему всё равно.

По ночам, когда нижние залы затихали, он доставал из тайника крошечный высушенный колокольчик — тот самый, который когда-то дала ему Феба. Он не знал, зачем хранит его. Может быть, чтобы помнить, что когда-то он умел слышать тишину. Или чтобы напоминать себе, что мягкость — это не слабость, а просто другой вид силы, который здесь не ценят.

Однажды Моргас зашёл в его комнату без стука и увидел колокольчик на полке. Он долго смотрел на него, будто пытался разгадать, что это за странная вещь, не похожая ни на оружие, ни на трофей.

— Что это?

— Ничего, — быстро ответил Ксанф, пряча колокольчик

в карман.

— «Ничего» не хранят так бережно, — заметил Моргас. — Если это память, то она может стать твоей уязвимостью. А уязвимость — это дыра, через которую враг войдёт в твою душу.

Ксанф стиснул зубы.

— У меня нет уязвимостей.

Моргас снова усмехнулся, но в этот раз в его усмешке было что-то похожее на жалость.

— Тогда ты уже не человек. А если ты не человек, то зачем тебе вообще что-то чувствовать?

Эти слова повисли между ними, тяжёлые и холодные. Ксанф ничего не ответил, но после этого он перестал доставать колокольчик. Он спрятал его в самый дальний угол и постарался забыть, что он вообще существует.

Так прошли три года. Для Фебы они сложились в строгую мозаику из обязанностей, тренировок и редких минут, когда она позволяла себе вспомнить, каково это — смеяться до слёз над чьей-то дерзкой шуткой. Для Ксанфа эти годы стали чередой испытаний, где он учился быть тем, кем его хотели видеть: быстрым, безжалостным, не оставляющим следов ни в чужих сердцах, ни в своём собственном.

Они оба научились прятать свои настоящие лица. Феба улыбалась ровно и говорила ровно, чтобы никто не заподозрил, что под этой ровностью живёт тоска. Ксанф говорил резко и смеялся громко, чтобы никто не увидел, что под этой

резкостью прячется одиночество.

Иногда, в самые тихие минуты, Феба смотрела на границу и думала: «А вдруг он всё ещё приходит?» Но потом вспоминала, как он стёр гальку, и понимала: он не приходит. Он сделал свой выбор. И она должна сделать свой.

А Ксанф, проходя мимо нейтральной полосы, иногда замедлял шаг. Ему казалось, что воздух там всё ещё пахнет ирисами и чем-то неуловимо светлым. Но он тут же ускорялся, будто боялся, что, если остановится, прошлое схватит его за горло и не отпустит.

Так они и жили: каждый в своей клетке из долга и страха, каждый стараясь не вспоминать о том, как когда-то им было легко дышать рядом друг с другом.

Взросление и первое столкновение

Фебе исполнилось восемнадцать. В верхних чертогах это был особенный рубеж: теперь она не просто ученица, а полноправная хранительница света. Ей вручили серебряные наручи — знак того, что ей доверяют вести патрули в сумеречных зонах, где свет уже не такой яркий, а тени умеют шептать. Крылья её стали шире, каждое перо будто впитало годы тренировок: они не просто сияли — они знали, как направлять свет, чтобы он не слепил, а согревал. Но в самой глубине её взгляда осталась та самая детская привычка — вглядываться в лица, искать, кому сейчас тяжелее. Ксанфу шёл девятнадцатый год. В нижних залах его признали одним из самых опасных и непредсказуемых: он умел видеть слабые места раньше, чем их успевали спрятать, и бить точно, не тратя лишних слов. Ему дали право вести собственные патрули у границ и даже выбирать задания. Но чем больше ему доверяли, тем отчётливее он чувствовал, как внутри что-то сопротивляется этой роли. Его насмешки стали острее, голос — громче, будто он пытался заглушить тихий голос, который всё ещё помнил, как пахнет сумеречный ручей и как звучит смех, не тронутый злостью. Великий Суд Равновесия устраивали раз в год, и в этот раз он должен был пройти в Зале Отражений — огромном зале, выточенном из чёрного хрусталя, где зеркала не показывали лица, а вытаскивали на-

ружу суть: страхи, надежды, ложь, которую мы говорим себе, чтобы было легче дышать. Считалось, что именно здесь можно увидеть, действительно ли ангел служит свету, а демон — тьме, или же в их сердцах уже смешались оттенки.

Когда имена Фебы и Ксанфа прозвучали в списке участников, зал будто замер на мгновение. Кто-то улыбнулся, предвкушая зрелище: ангел и демон в одном испытании — это всегда искры. Кто-то нахмурился, будто предчувствуя что-то большее.

Они вошли в зал с разных сторон, стараясь не смотреть друг на друга, но воздух между ними будто натянулся, как струна. Феба шла ровно, расправив плечи, её крылья слегка мерцали, отражая холодный свет хрустальных стен. Ксанф ступал бесшумно, но в каждом его движении чувствовалась готовность к прыжку, к удару, к любому повороту.

Глашатай ударил посохом о пол, и эхо прокатилось по залу, заставляя даже самые спокойные сердца биться быстрее.

— Испытание начнётся с первого зеркала, — произнёс он гулким голосом. — Оно покажет не прошлое, а самую сильную эмоцию, которую вы испытали за последний год. Вы должны назвать её вслух, не прячась за словами.

Феба едва заметно сжала пальцы в кулаки. Она знала, что не сможет солгать: зеркала не терпят полуправды. Когда она остановилась перед своим зеркалом, оно на мгновение потемнело, а потом вспыхнуло не светом, а тишиной — такой густой, что в ней можно было утонуть. Она увидела себя

на патруле, стоящую у границы, где когда-то лежала галька. Она смотрела вперёд, но её взгляд всё равно тянулся к тому камню, которого уже не было. И в тот момент она поняла, что сильнее всего за этот год её ранило не предательство, не боль, а пустота — та, что остаётся, когда ты убираешь руку, потому что так надо.

— Одиночество, — тихо, но чётко произнесла она, глядя прямо в зеркало, будто бросая вызов собственной слабости. — Но не моё. То, которое я вижу в других и не могу до конца исцелить.

Зал тихо выдохнул. Это был не тот ответ, который ждали от ангела. Не «сострадание», не «служение», а признание боли, которую она носила в себе.

Ксанф остановился перед своим зеркалом и на секунду замер. Зеркало показало ему не битвы, не победы, не приказы, а тот самый момент, когда он стёр гальку ногой. Он увидел себя со стороны: резкого, жёсткого, будто сделанного из камня. Но в его собственных глазах в отражении мелькнуло что-то, чего он не хотел замечать, — боль, которую он пытался спрятать за равнодушием. Он вспомнил, как после этого три ночи подряд ему снился один и тот же сон: он стоит у ручья, а галька снова лежит на камне, и он не может к ней подойти, потому что между ним и камнем выросла стена из чёрного льда.

Он хотел сказать что-то привычное: «ярость», «гордость», «сила». Но слова застряли в горле, а вместо них вырвалось

другое:

— Вина, — произнёс он, и его голос прозвучал непривычно тихо, будто он сам удивился тому, что сказал. — За то, что я сломал то, что не должен был трогать.

На этот раз зал не просто выдохнул — он будто затаил дыхание. Даже стражи переглянулись, будто услышали что-то запретное.

Испытание продолжалось. Участникам нужно было пройти через лабиринт, где каждый коридор проверял не силу, а сердце. В одном проходе стены шептали твои самые горькие мысли, в другом пол становился скользким от воспоминаний, в третьем зеркала показывали не тебя, а тех, кого ты когда-то ранил.

Феба шла, стараясь не слушать шёпот. Она повторяла про себя правила, которым её учили: «Не поддавайся эмоциям. Держи свет ровно. Не позволяй боли управлять тобой». Но когда она зашла в коридор, где стены шептали: «Ты никого не спасла. Ты только делала вид, что помогаешь», она остановилась. И впервые не стала повторять правила. Вместо этого она подняла голову и сказала вслух:

— Я не спасла всех. Но я спасала тех, кого могла. И этого достаточно. Стены на мгновение замолчали, а потом будто выдохнули, и проход открылся.

Ксанф шёл по своему коридору, где пол был покрыт отражениями чужих испуганных лиц. Каждый шаг заставлял эти лица дрожать, будто он наступал прямо на их страх. Он

хотел идти быстрее, не глядя вниз, но что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на одно из отражений — на лицо юного духа, которого он когда-то заставил выйти из тени, чтобы показать его слабость. Дух смотрел на него с таким ужасом, будто видел в нём чудовище. И Ксанф вдруг понял, что чудовище — это не он, а то, что заставляло его делать такие вещи.

— Прости, — прошептал он, сам не зная, кому именно: духу, себе или тому, кто когда-то учил его, что слабость нужно ломать. — Я не должен был этого делать.

Пол перестал скользить, и путь открылся.

Их пути пересеклись в центре зала, у самого большого зеркала, которое показывало не эмоции, а правду, которую ты прятал даже от самого себя. Они остановились друг напротив друга, и между ними повисла тишина, тяжёлая и звенящая.

— Ну что, ангел, — Ксанф попытался усмехнуться, но усмешка вышла неровной, будто ему было непривычно надевать эту маску здесь, среди зеркал, которые всё видели. — Покажешь, как правильно быть хорошей? Феба не улыбнулась. Она смотрела на него так, будто пыталась разглядеть сквозь броню из насмешек и резкости того мальчика, который когда-то показал ей, как распутывать узлы.

— Я покажу, как быть честной, — ответила она. — Даже если это больно. Зеркало между ними вспыхнуло, и на его поверхности проступили две фигуры: маленькая девочка с

крыльями и мальчик из теней, сидящие у ручья и смеющиеся над чем-то, что было понятно только им двоим.

Ксанф резко отвёл взгляд, будто его обожгло.

— Это просто трюк зеркал, — буркнул он, стараясь вернуть себе привычную жёсткость.

— Или правда, которую мы слишком долго прятали, — тихо сказала Феба.

В этот момент глашатай снова ударил посохом.

— Испытание завершено, — объявил он. — Но Совет хочет поговорить с вами обоими.

Они вышли из зала, не глядя друг на друга, но оба знали: что-то изменилось. Зеркала не просто показали их эмоции — они сорвали маски, которые они носили три года. И теперь эти маски лежали где-то там, в зале из чёрного хрусталя, разбитые и ненужные.

Совет Равновесия: испытание правдой

Зал Совета был устроен так, что в нём не существовало теней. Свет лился сверху, ровный и беспристрастный, будто сам воздух здесь был обязан быть честным. По кругу сидели старейшины — по трое от каждого мира: и от Света, и от Тени. Их лица не выражали ни гнева, ни одобрения, только внимание, тяжёлое, как камень.

Феба стояла прямо, но крылья чуть подрагивали — не от страха, а от напряжения, как подрагивают натянутые струны перед первым звуком. Она знала: сейчас от неё ждут не эмоций, а сути. Рядом, чуть в стороне, стоял Ксанф. Он нарочно держал позу небрежной: плечи опущены, руки свободно висят, будто ему всё равно. Но Феба, сама не зная почему, заметила, как у него чуть сжаты пальцы. Глашатай, стоявший у дверей, произнёс:

— Суд Равновесия не судит за прошлое. Он смотрит, кем вы стали. И сегодня он видит двоих, чьи сердца не захотели стать такими, какими их учили.

Старейшина от Света, женщина с глазами цвета утреннего неба, заговорила первой:

— Феба, ты назвала одиночество самым сильным чувством. Но не своим.

Ты говоришь о боли других, как о своей собственной. Это редкое качество.

Но в нашем мире оно может стать слабостью. Скажи: если долг прикажет тебе не слышать эту боль, сможешь ли ты его исполнить?

Феба не опустила взгляд.

— Я смогу услышать приказ. Но я не смогу перестать видеть боль. Если я сделаю вид, что её нет, я предам не только тех, кто страдает, но и сам свет, который должен согревать, а не просто сиять.

В зале тихо шевельнулись перья и тени — кто-то из старейшин едва заметно кивнул.

Старейшина от Теней, мужчина с кожей, похожей на остывшую лаву, повернулся к Ксанфу:

— А ты назвал вину. Это чувство для нашего мира почти запретное. Мы учим не оглядываться. Скажи, если бы тебе снова дали то же задание — стереть память о чём-то важном, — ты бы сделал это? Ксанф на секунду замер, будто примерял на себя этот выбор. Потом медленно, чётко произнёс:

— Если бы я знал, что это ломает кого-то навсегда, — нет. Я бы нашёл другой путь. Даже если он будет стоить мне уважения тех, кто верит, что сила — это только удары.

Моргас, сидевший в ряду наблюдателей, едва слышно фыркнул, но не стал перебивать.

Старейшина от Теней чуть наклонил голову:

— Ты говоришь, как тот, кто ищет оправдание слабости.

Или как тот, кто понял, что есть вещи сильнее приказов.

Ксанф не отвёл взгляд:

— Я говорю, как тот, кто устал ломать то, что можно было бы починить. Тишина в зале стала глубже.

Совет не стал выносить приговор сразу. Вместо этого старейшины предложили последнее испытание — не для публички, а для них самих. — В Пограничном коридоре, — сказала старейшина от Света, — есть трещина в равновесии. Она тонкая, почти незаметная, но она растёт. Через неё просачиваются страхи, и они начинают жить своей жизнью. Вы пойдёте туда вдвоём. Не как враги. Не как соперники. Как те, кто видел друг в друге не только противоположности. Ваша задача — найти источник трещины и закрыть её. И сделать это так, чтобы не разрушить то, что ещё держится.

Феба едва заметно вздрогнула. Пограничный коридор был местом, где границы миров истончались, и любое резкое движение могло вызвать обвал.

— Почему вдвоём? — спросил Ксанф, и в его голосе впервые не было насмешки, только прямой вопрос.

— Потому что трещина появилась там, где когда-то было равновесие, — ответил старейшина от Теней. — А равновесие держат двое. Или оно рушится.

Они вышли из зала почти одновременно, но не рядом. Феба шла впереди, её крылья мягко рассеивали свет, чтобы он не слепил в полумраке. Ксанф шёл следом, бесшумно, как тень, которая не хочет быть замеченной. Когда они вошли

в коридор, воздух сразу стал тяжелее. Здесь даже тишина звучала иначе — будто она была наполнена шёпотом тысяч несбывшихся слов. Стены были покрыты тонкими прожилками света и тьмы, которые сплетались, как вены. Где-то впереди жила трещина — тонкая, как волос, но пульсирующая, будто дышала.

Феба остановилась и подняла руку. От её ладони пошёл мягкий свет, не яркий, а тёплый, как от свечи. Он начал скользить по стенам, выискивая, где ткань реальности тоньше всего.

— Она здесь, — тихо сказала Феба, указывая на место, где прожилки расходились, образуя едва заметную пустоту. — Если мы не закроем её сейчас, она начнёт расти.

Ксанф подошёл ближе, но не касался стен. Он смотрел не на свет, а на то, как тьма ведёт себя рядом с трещиной.

— Трещина не просто дыра, — сказал он. — Она питается тем, что между ними: страхом, виной, всеми теми чувствами, которые мы пытались спрятать. Если ты просто накроешь её светом, она вернётся. Если я сожму её тьмой — она прорвётся в другом месте.

Феба посмотрела на него. Впервые за долгое время она не видела в нём врага и не пыталась быть перед ним правильной.

— Значит, нужно не закрыть, а уравновесить.

Ксанф кивнул.

— И для этого нужны оба.

Они встали по разные стороны трещины. Феба подняла руки, и свет из её ладоней стал мягким, текучим, похожим на тёплую воду. Ксанф сделал шаг вперёд, и из его пальцев потянулась тонкая, как шёлк, тьма — не густая, не тяжёлая, а гибкая, послушная.

— Не дави, — сказала Феба тихо, будто боялась спугнуть момент. — Пусть она примет форму.

— И не будь слишком нежной, — отозвался Ксанф. — Иначе она ускользнёт. Свет и тьма встретились над трещиной, не сталкиваясь, а сплетаясь, как две нити. Сначала они сопротивлялись друг другу, пытаясь пересилить, но потом, будто вспомнив что-то старое, начали подстраиваться. Свет становился чуть прохладнее, тьма — чуть теплее. Трещина замерла, а потом начала затягиваться, как затягивается рана, если к ней приложить правильные руки.

И вдруг из самой глубины трещины вырвался голос — не чей-то конкретный, а собирательный, сотканный из всех страхов, которые она впитала:

«Вы не можете быть вместе. Вы ломаете равновесие. Вы предадите свои миры».

Феба на мгновение дрогнула, но не убрала свет.

— Мы не предаём равновесие, — сказала она твёрдо. — Мы его спасаем.

Ксанф тоже не отступил.

— Равновесие — это не стена между нами, — добавил он. — Это мост. И если он рушится, мы его чиним. Даже если

нас за это будут ненавидеть. Голос затих, будто ему нечего было ответить. Трещина исчезла, оставив после себя лишь тонкий шрам, который со временем должен был раствориться.

Они отошли друг от друга, но не разошлись. Феба опустила руки, и свет погас, оставив в воздухе едва заметное тепло. Ксанф глубоко выдохнул, будто только сейчас позволил себе дышать свободно.

— Получилось, — сказала Феба, и в её голосе было не торжество, а облегчение.

— На этот раз — да, — ответил Ксанф и впервые за долгое время не добавил колкости. Просто факт.

Где-то далеко, за пределами коридора, раздался удар посоха — знак, что Совет всё видел.

Когда они вернулись, старейшины не стали хвалить их. Но и не стали наказывать.

— Вы сделали то, что должны были, — сказала старейшина от Света. — И вы сделали это вместе. Это не отменяет ваших обязанностей перед своими мирами. Но это значит, что теперь у Равновесия есть двое, кто знает:

чтобы удержать границу, иногда нужно стоять плечом к плечу, даже если ваши крылья и когти говорят, что вы — враги. Феба кивнула. Ксанф снова принял свою привычную позу — расслабленную, почти дерзкую. Но когда он на секунду встретился взглядом с Фебой, в его глазах мелькнуло что-то новое. Не насмешка. Не вызов. А признание: «Мы

это сделали».

И Феба ответила ему едва заметным кивком: «Да. Мы».

Тень подозрения и первый совместный патруль

После Суда Равновесия всё вроде бы осталось на своих местах — но воздух между мирами стал другим. Он будто звенел от невысказанных вопросов. И больше всех эти вопросы задавал Моргас.

Он не кричал, не устраивал сцен — он просто появлялся там, где появлялся Ксанф, и смотрел. Так смотрят наклинки, в котором заметили трещину: не чтобы сломать, а чтобы понять, выдержит ли он ещё один удар.

— Ты теперь герой Совета, — бросил он однажды, когда Ксанф докладывал о патруле у восточной границы. — Герой, который держится за руку с ангелом. Скажи, это часть новой тактики? Или ты просто забыл, кто ты такой?

Ксанф сжал кулаки, но не сорвался. Он уже понял: любая вспышка ярости сейчас будет прочитана как доказательство слабости.

— Я помню, кто я, — ровно ответил он. — И я помню, что трещина в равновесии — это не про чувства. Это прореальность, которая рушится, если её не держать. Моргас прищурился.

— Красиво говоришь. Почти как они. Смотри, чтобы эти красивые слова не стали твоей гибелью.

В верхних чертогах Фебе тоже было беспокойно. Сестра Лира больше не делала ей замечаний при всех, но всёчаще звала на приватные беседы. — Ты изменилась, — сказала она однажды, глядя, как Феба поправляет наручи, будто они жмут.

— Я стала лучше выполнять приказы, — ответила Феба, стараясь звучать уверенно.

Сестра Лира чуть наклонила голову.

— Это не то изменение, о котором я говорю. Ты теперь смотришь на мир так, будто знаешь: одного светанедостаточно. Это хорошо... и опасно. Потому что те, кто привык видеть только свет, могут решить, что ты сталатёмной.

Феба вздрогнула.

— Я не стала тёмной!

— Я знаю, — спокойно сказала сестра Лира. — Но иногда достаточно того, что ты перестала быть простопослушной. Этого уже хватает, чтобы кто-то увидел в тебе угрозу.

Именно в это время Совет решил закрепить новый подход: отныне особые трещины в равновесии должны былизакрывать парами — ангел и демон, которые уже доказали, что могут работать вместе. И первой такой паройстали Феба и Ксанф.

Их первый совместный патруль назначили на сумеречную полосу — место, где день и ночь встречались, как дваврага, которые устали сражаться, но ещё не научились разговаривать. Здесь воздух был густым,

азвуки — приглушёнными, будто сама граница старалась не привлекать к себе внимания.

Они шли рядом, но не слишком близко. Феба держала свет ровно, не позволяя ему разлетаться искрами. Ксанфшёл бесшумно, его тень ложилась на камни, как осторожная рука.

— Здесь тихо, — сказала Феба, нарушая молчание.

— Слишком тихо, — отозвался Ксанф. — В таких местах тишина — это предупреждение.

И правда, стоило ему это сказать, как воздух дрогнул. Где-то впереди, за поворотом, что-то шевельнулось — незвук, а отсутствие звука, пустота, которая двигалась.

Феба подняла руку, и свет стал тоньше, как лезвие. Он скользнул вперёд, касаясь камней, и на одном из них проявился странный узор — не трещина, а будто отпечаток чьей-то воли.

— Кто-то намеренно раскачивает границу, — тихо сказал Ксанф, наклоняясь к узору. — Это не природное явление. Это сделано.

Феба посмотрела на него.

— Думаешь, кто-то из наших?

— Или из моих, — коротко ответил он, не сводя глаз с узора. — Или кто-то третий, кто хочет, чтобы мы снова стали врагами.

Они двинулись дальше, теперь уже плечом к плечу, не потому что так приказали, а потому что так было безопаснее. В

одном из узких проходов, где стены почти смыкались, Феба вдруг остановилась.

— Слышишь?

Ксанф замер. Сначала он ничего не слышал, кроме собственного дыхания. А потом уловил: тихий, едва заметный шёпот, похожий на эхо чьих-то слов. — «Они не должны быть вместе...» — прошептала Феба, будто повторяя то, что слышала.

Ксанф нахмурился.

— Это не голос границы. Это голос кого-то, кто прячется в ней.

Они пошли на звук. Он становился громче, но не чётче, будто говорящий нарочно искажал свой голос, чтобы его нельзя было узнать. В конце концов они вышли к небольшой нише, выдолбленной в скале. Там никого не было. Но на полу лежал предмет, который не мог оказаться здесь случайно:

маленький чёрный кристалл, исписанный рунами, которых не было ни в языке Света, ни в языке Тени.

Феба потянулась к нему, но Ксанф резко остановил её, схватив за запястье.

— Не трогай. Это ловушка.

Она посмотрела на него, и в её глазах мелькнуло не раздражение, а благодарность за эту резкость.

— Что это?

— Артефакт, который питается чужими страхами и переплавляет их в силу. Если ты его коснёшься, он вытянет изте-

бя самое болезненное воспоминание и сделает из него оружие.

Феба отступила.

— Тогда как нам его обезвредить?

Ксанф огляделся, будто искал что-то в полумраке. Потом достал из-за пояса тонкий металлический стержень — инструмент, который использовали для проверки нестабильных границ.

— Мы не будем его трогать. Мы заставим его сработать вхолостую. Он аккуратно подцепил кристалл стержнем, приподнял его и тут же отвёл в сторону, направив острие стержня так, чтобы энергия артефакта ушла в камень. Кристалл вспыхнул чёрным светом, зашипел, будто разъярённый зверь, и рассыпался в пыль.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — не злобщей, а просто пустой.

— Получилось, — выдохнула Феба.

Ксанф кивнул, убирая стержень.

— На этот раз — да. Но тот, кто его оставил, знал, что мы придём.

Феба нахмурилась.

— Откуда?

— Потому что он знал, где мы будем. А значит, за нами следят. Они переглянулись. В этом взгляде не было слов, но было понимание: теперь они не просто напарники по приказу. Теперь они — цель. Когда они вернулись и доложили Со-

вету о находке, старейшины не удивились.

Следы в пепле и тень наставника

Патрули теперь шли по новому ритму: не просто обход, а охота. Феба и Ксанф искали не трещины — они искали того, кто их создавал. И чем дольше они шли бок о бок, тем яснее становилось: враг знал их обоих слишком хорошо. Он бил туда, где у каждого была своя слабость: у Фебы — сострадание, у Ксанфа — вина.

Однажды утром, когда сумрак ещё цеплялся за камни, Феба заметила на тропе странный след. Не отпечаток ноги, а будто пепел лёг иначе: он собирался в тонкие линии, как будто его кто-то водил пальцами, рисуя руны.

— Смотри, — она указала Ксанфу на узор, стараясь не касаться его. — Это не ветер. Это сделано специально.

Ксанф присел, не дотрагиваясь, и прищурился.

— Это метка. Знак, что здесь кто-то стоял и ждал. Или наблюдал.

Феба нахмурилась.

— Но зачем оставлять след?

— Чтобы мы его нашли, — тихо ответил Ксанф. — Чтобы мы знали: за нами следят. Чтобы мы начали оглядываться. А когда начинаешь оглядываться, перестаёшь смотреть вперёд.

Они двинулись дальше, теперь ещё осторожнее. Следы вели к старой сторожевой башне — полуразрушенной, с выбитыми окнами, через которые ветер гулял, как в пустой рако-

вине. Башня давно считалась заброшенной: граница здесь была стабильной, патрули сюда почти не заходили.

Но именно здесь пепел лежал ровнее, будто его аккуратно сметали в сторону, чтобы не оставлять лишних следов. А на полу, в тени, лежала ещё одна вещь — маленький металлический жетон с выщербленным краем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.